

Александр Хамидов

ВЛИЯНИЕ ВНЕ-НАУЧНЫХ ФОРМ ЗНАНИЯ НА КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Несмотря на то, что в развитии науки выделяют классический, не-классический и пост-неклассический этапы, всё это – модификации того типа науки, который сформировался в западноевропейской культуре в Новое время, т.е. в условиях становления капиталистической общественной формации. Данный тип науки активно (начиная с XVIII в., т.е. с эпохи Просвещения) противопоставляет себя не только религии, но и любым формам вне-научного знания. Однако в ходе её формирования, в её, так сказать, пренатальный период, она была весьма тесно связана с некоторыми формами вне-научного знания и даже в известной степени обязана им своим концептуальным хабитусом. Обратимся к этому «пренатальному» периоду. Он охватывает эпохи Ренессанса, Реформации и Контрреформации, а также начало Нового времени (XVII в.), конкретнее деятельность таких основоположников науки Нового времени, как Р. Бойль и И. Ньютон.

Феномен Ренессанса охватил разнообразные элиты городского населения – политические, религиозные, литературные, художественные (в широком смысле, т.е. живописцев, ваятелей, зодчих). Эти элиты (в основном литературно-художественные) создали специфическое мировоззрение, направленное против *тео*-центристского мировоззрения Средневековья. Данное мировоззрение было *антропо*-центристским: сместив с вершины и из центра Универсума Бога, деятели Ренессанса поставили на его место Человека (именно с большой буквы, т.е. *творческую* индивидуальность, творящую не только предметный мир культуры, но и *самое себя*). Данное мировоззрение чётко представлено в знаменитой «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико дела Мирандола [1].

Ренессанс начертал на своём идейном знамени девиз *возврата к Античности*, но, как отметила П. П. Гайденко, «хотя сама эта эпоха признаёт себя по преимуществу как возрождение античной культуры, античного образа жизни, образа мышления и чувствования, но в действительности самознание “ренессансного” человека существенно отличается от античного – греческого или римского» [2]. Но по-иному и быть не могло: полностью скопировать какую-либо прошлую эпоху в новых условиях можно лишь в жанре карикатуры. Это, однако, неважно. Важно то, что деятели Ренессанса думали, что они возрождают Античность, и поступали сообразно этому. А они стали выводить на поверхность культуры многое из того, что запрещалось, преследовалось цервоцентристской культурой Средних веков или же

существовало глубоко под её спудом. Это были, прежде всего, объявленные Церковью еретическими христианские и околохристианские, но тесно связанные с христианством, вероучения (гностицизм, манихейство, арианство, антитринитаризм), некоторые античные философские учения (прежде всего, пифагореизм и атомизм), иудейская каббала, учение Гермеса Трисмегиста (считавшееся деятелями Ренессанса учением египетского бога Тота) [3] как в его метафизической ипостаси, так и в прикладных модификациях астрологии, алхимии и натуральной магии. Следует, конечно, добавить, что астрология, алхимия и натуральная магия не были порождением древнеегипетской культуры. Они существовали в Шумере, в Древнем Китае, в Древней Греции. К примеру, знаменитый Клавдий Птолемей был не только астрономом, но и астрологом. Он является не только автором «Альмагеста» (это, как известно, арабизированная транскрипция греческого названия сочинения Птолемея «Μεγάλη Σύνταξις»), в котором он развил учение Аристотеля о строении Космоса, но и автором «Тетрабиблоса» [4], в котором он подробно изложил свои астрологические идеи. И ещё неясно, кто он в большей степени – астроном или астролог. То, что он строил геоцентрическую систему, может объясняться не только тем, что обыденный опыт подтверждает движение Солнца вокруг Земли, но ещё и тем, что астрология *по определению геоцентрична*. И может быть, те фальсификации и фабрикация, в которых его обвиняет Р. Р. Ньютон [5], объясняются именно его астрологическими пристрастиями.

В эпоху Ренессанса прикладной герметизм (особенно астрология) стал настолько популярным, что ему отдавали дань высшие церковные иерархи. «... Так, например, папа Павел III (1534 – 1549) ничего не предпринимал без “указания звёзд”» [6]. В 1628 г. папа Урбан VIII приказал Т. Кампанелле (в советское время считавшимся одним из представителей утопического социализма на основании неправильно истолкованного его герметического сочинения «Город Солнца») провести сеанс магии с целью предотвращения предсказанной ему (папе) в скором будущем смерти. Фигура астролога при дворах коронованных особ становится столь же обязательной, как и фигура духовника. В некоторых университетах (в частности, в Болонье, Падуе, Париже и др.) открываются кафедры астрологии. На волне борьбы со схоластицизмом учением Аристотеля возрождается платонизм и неоплатонизм. В учениях некоторых мыслителей (как, например, М. Фичино) неоплатонизм синтезируется с метафизическим герметизмом. Дж. Пико дела Мирандола предпринял осуществить синтез герметизма с каббалой, причём ему удалось настолько «христианизировать» магию, что этим даже заинтересовался папа. Пико утверждал, что подлинная магия «глубоко изучает гармонию вселенной... и всматривается пристально в тайны природы, воздавая каждой вещи должное почитание... , выставляя на всеобщее обозрение тайные чудеса и благодаря этому сама как бы является их творцом. И как крестьянин подвязывает виноградные лозы к вязам, так маг сочетает землю с небом, то есть низшее женит на силах высшего» [7].

Видными герметистами были наряду с М. Фичино и Дж. Пико дела Мирандола были Дж. Бруно, Г. К. Агриппа Неттесгеймский, Ф. А. Б. фон Парацельс, Фр. Патрици, Дж. Ди, Р. Флудд, и др. Все они были глубоко убеждены в истинности и действенности астрологии, натуральной магии или алхимии. Так, Парацельс к книге первой «Алхимического Архидокса» отмечает, что алхимия учит «не только как обратить любой худший металл в лучший – железо в медь, медь в серебро, а серебро в золото и т.д., но также излечивать все немощи, лечение коих предвзятым и самонадеянным врачам кажется невозможным, и даже более того, помогать смертным сохранять здоровье до глубокой и совершенной старости. Это Искусство было начертано нашим Господом Богом Творцом Всевышним, от начала творения, словно в книге, в телах металлов» [8]. Все они также были верующими католиками и потому постоянно аргументировали также и от Писания.

Первыми приверженцами вне-научных форм знания среди интеллектуальной элиты были философы. Выше уже были названы М. Фичино [9] и Дж. Пико дела Мирандола. Наиболее последовательным и активным приверженцем герметизма, как в его метафизическом, так и в прикладных вариантах, был Филиппо (имя при крещении), или Джордано (имя при принятии монашеского обета в доминиканском монастыре) Бруно, долгое время считавшийся ярким борцом с католической верой и Церковью, материалистом и провозвестником новой науки, принявшим и развившим гелиоцентрическую теорию Н. Коперника, человеком, который предпочёл раскаянию смерть на костре. Из этого верно лишь то, что он боролся с Церковью и не поступился своими убеждениями до последней минуты.

Церковь преследовала занятие герметическими науками. Так, например, через год после вступления на папский престол – 1 марта 1586 г. – папа Сикст V издал специальную буллу, предписывающую святой инквизиции вести борьбу с «тайными науками». Между тем Дж. Бруно, арестованный через шесть лет после её издания [10], на пятом допросе в Венецианской инквизиции и прямо заявлял, что он «занимался всеми областями философии и потрудился во всех других науках, включая и юдициарную астрологию...» [11]. На десятом допросе в трибунале римской инквизиции Бруно защищает естественную магию. «Ведь магия, – заявляет он, – сама по себе не запретна, будучи основана на силах природы, посредством наблюдения за погодой и разными положениями неба, приложения одной материи к другой и соотношения этих низших пассивных начал с высшими активными началами. Так маги обычно с лёгкостью преуспевают в создании несовершенных животных, как мухи, лягушки, змеи, мыши и другие им подобные, но никогда не было смысла в создании совершенных животных» [12]. Дж. Бруно подразделял магию на три вида: 1) натуральную, 2) математическую и 3) религиозную, которую он именовал суеверной. Второй и третий виды он отвергал и признавал только первый.

Кроме того, Дж. Бруно увлекался каббалой и испытал на себе влияние учения Р. Луллия. В своей приверженности учению Гермеса Трисмегиста он более радикален, чем, к примеру, М. Фичино и других, кто пытался создать своеобразный «христианский герметизм» и объявляет себя последовательным «египтянином» и свои убеждения открыто называет религией, более подлинной, чем христианство. Он считал католицизм *извращением* «естественной» религии египтян, запечатлённой, прежде всего, в учении Гермеса (Тота). Он, например, считал, что «египетский крест (Анкх. – А. Х.) был истинным крестом, символизирующим истинную религию, магически могущественным, а христиане его изменили и ослабили его магию...» [13].

Дж. Бруно прямо высказывал идеи метафизического герметизма. В трактате «Изгнание Торжествующего Зверя» он высказывал герметическое положение о том, что «природа... есть не что иное, как Бог в вещах» [14], что «Бог весь (не всецело, но всюду более или менее проявляя себя) находится во всех вещах» [15]. В «Герметическом Своде» сказано, что Бог, «будучи причиной появления всех вещей, Он проявляет Себя в них и через них, особенно же тем, кому Он желает открыться» [16]. Но чтобы усмотреть Бога в каждой вещи, в которых он присутствует всякий раз различным образом, необходим особый гносис и праксис. Для этого, отмечает Бруно, «необходимы та мудрость и суждение, то искусство, деятельность и пользование духовным светом, каковые духовное солнце открывает миру в иные времена больше, в иные – меньше. Вот этот обряд и называется *Магией*: и поскольку занимается сверхъестественными началами, она – божественна, а поскольку – наблюдением природы, доискиваясь её тайн, она – естественна, срединной и математической называется, поскольку исследует силы и способности души, что всё находится в кругозоре телесного и духовного: духовного и умственного» [17].

А. Койре отмечает: «По существу мировоззрение Бруно виталистическое и магическое; планеты у него – живые существа,двигающиеся в пространстве свободно и по собственному почину – как у Платона или Патрици. Мышление Бруно ни в коем случае не мышление человека нового времени» [18]. Но этого не отрицал и сам Дж. Бруно. Судьям в трибунале Римской инквизиции он разъяснял, что «земля одушевлена, обладает не только чувствующей, но и разумной душой...» [19]. И это согласуется с учением Гермеса Трисмегиста. В «Асклепии» сказано: «...Мир есть животное (*animal mundus*), которое было, есть и будет живым... Каждая из его частей всегда жива...» [20].

Принято считать, что Дж. Бруно воспринял гелиоцентрическую систему Н. Коперника как величайшее *научное* открытие. Как известно, современники истолковали это учение как удобную математическую гипотезу, т.е. так, оно было истолковано А. Осияндером в его предисловии к книге Коперника «О вращениях небесных сфер» (с чем, кстати, сам Коперник не соглашался). В отличие от Осияндера Дж. Бруно утверждает астрономическую истинность этого учения и высказывает идею множественности миров. Но и не только это. Дело в том, что сам

Н. Коперник оправдывал свою конструкцию Мироздания ссылкой на авторитет Гермеса Трисмегиста. Он писал: «В середине всего находится Солнце. Действительно, в таком великолепном храме кто мог бы поместить этот светильник в другом и лучшем месте, как не в том, откуда он может одновременно всё освещать. Ведь не напрасно некоторые называют Солнце светильником мира, другие – умом его, а третьи правителем. Гермес Трисмегист называет его видимым богом, а Софоклова Электра – всевидящим. Конечно, именно так Солнце, как бы восседая на царском троне, правит обходящей вокруг него семьёй светил» [21].

Дж. Бруно посчитал, что Коперник, будучи математиком, не смог постичь во всём объёме суть своего открытия. К тому же это – лишь первый шаг. В системе Коперника Дж. Бруно усмотрел возвращение учения Гермеса Трисмегиста – той истинной, по убеждению Бруно, религии, которая оплакивается в разделе «Асклепия», названного «Апокалипсисом» [22]. Как отмечает Ф. А. Йейтс, «для Бруно схема Коперника – это иероглиф, герметическая печать, которая скрывает могущественные божественные тайны и в секрет которой он проник» [23]. Но он не просто принял схему Коперника, но и выдвинул идею бесконечности Вселенной и множественности миров, тем самым окончательно разрушив замкнутый средневековый Универсум. Но, надо сказать, что такая идея отсутствует и у Гермеса Трисмегиста. Этим шагом Вселенную Дж. Бруно «преобразует в грандиозную экспансию герметического гносиса, в новое откровение бога-мага, и наделяет бесчисленные миры магической одушевлённостью» [24]. «Эти идеи (бесконечной Вселенной и бесчисленных миров. – А. Х.) для Бруно имеют не столько философский или научный характер, сколько являются своего рода иероглифами божественного, пробными изображениями неизобразимого, которые с помощью концентрации воображения нужно запечатлеть в памяти, чтобы обрести единство со вселенной – то есть достичь той герметической цели, к которой всю свою жизнь стремился этот крайне религиозный маг» [25]. Тем самым, пишет Йейтс: «Бруно отодвигает научный труд Коперника в прошлое, на донаучную ступень, к герметизму, толкуя схему Коперника как иероглиф божественных тайн» [26]. «Поэтому, – пишет Ф. А. Йейтс, – уже невозможно верить в миф, будто Бруно преследовали как философа и сожгли за его смелые идеи о бесчисленных мирах или о движении Земли» [27].

Сама Йейтс явно не стороне Дж. Бруно, а на стороне науки и таких учёных, как Г. Галилей. «Феномен Галилея, – пишет она, – плод непрерывного развития в средние века и в эпоху Возрождения рациональных традиций греческой науки...» [28]. Но и работа Дж. Бруно не оказалась бесплодной. «Случай Джордано Бруно, замечает она, – пример того, как герметизм послужил движущей силой для создания новой космологии» [29].

Герметизму отдали дань такие философы начала Нового времени, как Фр. Бэкон, Р. Декарт, Г. В. Ляйбниц. Последний, например, в течение некоторого времени был секретарём Нюрнбергского алхимического общества, основанного в 1654 г. Мы обратимся только к Фр. Бэкону – этому идеоло-

гу экспериментального естествознания. Он, как известно, задумал «Великое Восстановление Наук». Этому восстановлению должно, согласно ему, предшествовать «изгнание идолов» (или призраков), которые «осаждают умы людей». Как тоже известно, он выделяет четыре вида идолов: 1) идолы рода, 2) идолы пещеры, 3) идолы площади и 4) идолы театра [30]. Под последними он понимает «не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности» [31]. Казалось бы сюда можно причислить и герметические науки, тем более что его предшественник Р. Бэкон ещё в XIII в. объявил магию ничтожным занятием [32]. Ан не так. В сочинении «Великое Восстановление Наук» Фр. Бэкон пишет: «Самих же наук, опирающихся скорее на фантазию и веру, чем на разум и доказательства, насчитывается три: это – астрология, естественная магия и алхимия» [33]. В ряде мест он высмеивает эти науки. Однако он заявляет, что «цели этих наук отнюдь не являются неблагородными. Ведь астрология стремится раскрыть тайны влияния высших сфер на низшие и господства первых над вторыми. Магия ставит своей целью направить естественную философию от созерцания различных объектов к великим свершениям. Алхимия пытается отделить и извлечь инородные части вещей, скрывающиеся в естественных телах; сами же тела, загрязнённые этими примесями, очистить; освободить то, что оказывается связанным, довести до совершенства то, что ещё не созрело. Но пути и способы, которые, по их мнению, ведут к этим целям, как в теории этих наук, так и на практике, изобилуют ошибками и всякой чепухой» [34]. И Фр. Бэкон видит свою задачу в том, чтобы привести методы этих наук в соответствие с их целями. Стало быть, идея Великого Восстановления Наук в понимании Фр. Бэкона не противоречит духу герметической традиции, опирается на неё и её продолжает.

Представители науки не отставали от философов в использовании различных форм вне-научных знаний. Так, знаменитый математик Дж. Кардано считался в своё время видным астрологом [35]. То же самое можно сказать об астрономах Тихо Браге и И. Кеплере. Г. Галилей не был приверженцем герметизма или иных форм вне-научного знания до такой степени, чтобы это сказалось на его теоретических изысканиях. Он, тем не менее, занимался астрологией. «Галилей, – пишет, ссылаясь на других авторов, И. С. Дмитриев, – действительно составлял гороскопы (25 из них сохранились [36]), и многие известные люди обращались к нему за советами и предсказаниями» [37]. А «в апреле 1604 г. он был обвинён падуанской инквизицией в том, что придерживался мнения, будто звёзды, планеты и небесные влияния могут определять ход земных событий. . .» [38]. Но это не тот инквизиционный процесс над Галилеем, который известен всему человечеству. Тот процесс состоялся в 1933 г. и о нём мы выскажем несколько слов. Добавим лишь, что увлечения Галилея астрологией, насколько можно судить, не сказались на его сугубо научной деятельности.

Согласно официальной версии, Инквизиция осудила Г. Галилея за «коперниканскую ересь». Учение Н. Коперника действительно было официально осуждено святой Инквизицией, а книга «О вращениях небесных сфер» была занесена в Индекс запрещённых книг (*Index librorum prohibitorum*). Это, однако, не так.

Французский историк науки П. Редонди в 1982 г. обнаружил в архивах Римской инквизиции документ, который позволил взглянуть на процесс Галилея по-иному. Редонди нашёл донос на Галилея, написанный в связи с выходом в свет его сочинения «Пробирных дел мастер», или «Пробирщик» («*Il Saggiatore*»). В этом сочинении в главе XLVIII [39] Галилей предпринял рецепцию античного атомизма в истолковании материи (вещества). Однако дискретностная атомистическая концепция материи противоречила догмату о евхаристии, принятому Тридентским собором (1545 – 1563 гг.), базировавшемуся на континуалистской физике Аристотеля. Доносчик уловил это и направил письмо в Трибунал инквизиции. П. Редонди высказывает убедительную версию о том, что папа Урбан VIII, покровительствовавший Галилею, со своими единомышленниками сумели нейтрализовать последствия доноса и, так сказать, перекалвалифицировать для публики преступление учёного: ему вынесли официальное обвинение в отстаивании гелиоцентрической системы Н. Коперника [40]. Следует, однако, отметить, что «по большому счёту» гелиоцентризм не наносит особого ущерба христианскому вероучению. Христианский геоцентризм основывается на эпизоде, описанном в «Книге Иисуса Навина». Там сказано, что во время битвы израильтян и амореян (самого могущественного хананейского племени) первым не хватило времени окончательно добить врага. И тогда Иисус Навин «сказал перед Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла доколе народ мстил врагам своим» [41]. Получается: раз Солнцу было приказано остановиться, то это значит, что оно вращается вокруг Земли. Но если Иисус Навин столь могущественен и – добавим – если бы он в то же время обладал истинным знанием, он с тем же успехом мог приказать остановиться *Земле* – и эффект был бы тот же самый. Следовательно, «коперниканская ересь» не наносит ущерба христианству.

Но если Г. Галилей, которого как автора «Пробирных дел мастера» следует считать основоположником нового типа естествознания, прошёл мимо вне-научных форм знания и особенно мимо такой влиятельной на то время, как герметизм, то два других основоположника новой науки (химии – Р. Бойль и физики – И. Ньютон) мимо не прошли. Сестра Р. Бойля Кэтрин свидетельствует о его увлечении астрологией, каббалой и алхимией. В его работах обращает на себя внимание понимание Природы как Книги. Такое понимание, конечно, присуще как средневековому мировоззрению, так и мировоззрению Нового времени. Тот же Г. Галилей в «Пробирщике» писал: «Философия написана в величайшей книге (я имею в виду Вселенную),

которая постоянно открыта нашему взору, но понять её может лишь тот, кто сначала научится постигать её язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки её – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречён блуждать в потёмках по лабиринту» [42]. Из этой идеи выросло математическое естествознание. Бойлево же понимание Природы как Книги отличается как от средневекового, так и от галилеевского. Он пишет: «... Мир – великая книга не столько о природе, сколько о Боге природы, которую мы должны читать в поисках поучительных уроков, если мы обладаем соответствующим искусством и способны к терпению, чтобы извлекать и фиксировать их. Творения и впрямь истинные египетские иероглифы, которые прячут таинственные секреты знания и благочестия за грубыми личинами птиц, животных и т.п.» [43]. Как видим, Р. Бойль усматривает в Книге Природы иной язык, нежели Г. Галилей. Для чтения этой книги он рекомендует особую практику.

Идея Книги природы появилась отнюдь не в XVII в. «Как поэтический образ, – отмечает М. К. Петров, – “Книга природы” появляется уже в XII в... Раймунд Себундский писал в XV в., что Бог дал нам две книги: “Книгу природы” и Библию. Возможно, идея книги природы укрепились в сознании учёных, философов и теологов под влиянием положения Фомы Аквинского о путях познания Истины, то есть Бога. В «Сумме теологии» он писал, что «познание истины двояко: одно происходит через природу, другое – через благодать» [44].

С ростом авторитетности “Книги природы” тезаурус теологии получает два ориентира – на Библию и на “Книгу природы”, что привело к предметному расплыванию самой теологии на “теологию откровения”, занятую изучением слова божьего, каким оно зафиксировано в Библии, и на “естественную теологию”, где основным предметом становится “Книга природы” – созданные по слову Бога вещи природы» [45]. Как видим, Р. Бойль не оригинален в своём определении природы как книги. Не оригинален и Фр. Бэкон, который пишет о Боге: «И для того чтобы мы не впали в заблуждение, он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля божья, а затем – книгу природы, раскрывающую его могущество. Из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая дальше нашу веру, заставляя нас обратиться к серьёзному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого чётко запечатлены на камне его творений» [46].

В то же время Р. Бойль понимает мир в виде храма. Он пишет: «... Я вижу мир как храм... ...Если мир – храм, то человек определённо обязан быть священнослужителем, призванным (подготовкой) вершить божественную службу не только в нём, но и для него» [47]. Но, кроме того, «человек обязан, видимо, проявлять исследовательскую активность – ранжировать ана-

томировать, рассекать природу и благодаря этому заинтересованному наблюдению приходиться к более осмысленному восхищению величием Творца» [48]. И ещё: «поскольку две великих книги – книга природы и Писание имеют одного творца, то изучение последней не мешает любознательному человеку наслаждаться изучением первой» [49].

О влиянии вне-научных форм знания на научную деятельность основоположника классической механики сэра Исаака Ньютона будет сказано в другой публикации. А в завершение данной статьи отметим следующее. И Н. Коперник, и Дж. Бруно, не говоря уже о Фр. Бэконе, Г. Галилее (он родился в год смерти Ж. Кальвина) и всех прочих философов и учёных, творили в условиях Реформации, то есть в условиях раскола западного христианства на католицизм и протестантизм. Существовали государства католические и государства протестантские. Англия, Германия были протестантскими, тогда как Италия, Испания, Франция – католическими. Это сказывалось на свободе философского и научного творчества. Так, Р. Декарт (не только философ, но также математик и физик) в 1630 г. завершал работу над трактатом «Мир, или Трактат о свете» (впервые опубликован в 1662 г., т.е. через 12 лет после его смерти в Лейдене), однако, узнав об осуждении в 1633 г. Галилея «за коперниканскую ересь», прекратил над ним работу и отбросил мысль о публикации. В 1644 г. он публикует на латыни «Начала философии» (по-французски они были опубликованы через три года). Этим трактатом Декарту удалось на время усыпить бдительность Святой Инквизиции. А. Койре пишет: «Только в 1664 г. Начала философии были внесены в Индекс запрещённых книг, и даже тогда это произошло не потому, что Декарт был явным коперниканцем, а по причине несовместимости его концепции материи с догматом пресуществления» [50]. Таким образом, то, о чём можно было писать в протестантских странах, нельзя было писать в странах католических. Учёные и философы с этим вынуждены были считаться.

Примечания

1. См.: *Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека //Эстетика Ренессанса. Т. I. М., 1981. С. 249.

2. *Гайдено П. П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980. С. 511.

3. Основными текстами, в которых зафиксировано данное учение, являются «Герметический Свод» (состоящий из двух частей: первую кратко именуют «Поймандром», вторую «Асклепием») и «Изумрудная Скрижаль».

4. См. его русский перевод: *Птолемей К.* Математический трактат, или Четверокнижие //Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I – XIV веков. М., 1996.

5. Р. Р. Ньютон, проделавший колоссальную работу по исследованию «Синтаксиса», пришёл к заключению, что «астрономом первой величины Птолемей не является. [...] Люди, признающие вклад Птолемея, молчаливо предполагают, что представленный им материал является подлинным. Мы видим, что это не так. Все использованные Птолемеем его собственные наблюдения, если мы могли их проверить, оказывались подделкой. Кроме того, большая часть наблюдений, приписываемых другим астрономам, – это не просто материал, изложенный Птолемеем, а материал, им сфабрикованный. [...] Есть много примеров того вреда, который Птолемей принёс своими сфабрикованными данными астрономии. Коперник использовал те же данные, что и Птолемей, и он должен был привести их в соответствие с подлинными данными. Поэтому гелиоцентрическая система мира получилась намного сложнее, чем это было необходимо...» (*Ньютон Р. Р. Преступление Клавдия Птолемея. М., 1985. С.С. 353, 354*)

6. *Гурев Г. А. История одного заблуждения. Астрология перед судом науки. Л., 1970. С. 89.*

7. *Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. С. 262.*

8. *Парацельс Т. Магический Архидокс // Он же. Магический Архидокс. Сборник. М., 1997. С. 19.*

9. В 1471 г. он по приказу Козимо Медичи Старшего перевёл с греческого на латынь «Поймандр»; «Асклепий» же, согласно традиции, был переведён Апулеем.

10. Первый допрос Дж. Бруно в Венецианской инквизиции состоялся 26 мая 1592 г.

11. Джордано Бруно и инквизиция // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. [Вып. I.] М., 1950. С. 359. Отметим, что астрология подразделялась на «натуральную» и «юдициарную». Первая изучала влияние созвездий на природные феномены (к примеру, на изменение погоды и т.п.); вторая занималась влиянием небесных тел на судьбы отдельных людей и на человечество в целом.

12. Джордано Бруно перед судом инквизиции. (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) // Вопросы религии и атеизма. Сборник статей. [Вып.] VI. М., 1958. С. 379. «Я считаю, – говорил он далее, – что такие действия являются чисто физическими; и совершают ли их демоны или люди, они могут действовать, лишь основываясь на естественных началах. Я нахожу, что магию можно считать недопустимой если только она применяется в злодейских целях или для похвальбы божественным могуществом, чтобы под этим предлогом обманывать мир. Магия же, как Моисеева, так и абсолютная магия, есть не что иное, как познание тайн природы путём подражания природе в её творении и создания вещей, удивительных для глаз толпы. Что касается математической и суеверной магии, то я считаю её чуждой Моисею и всем почитаемым умам» (Там же).

13. *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 310.
14. *Бруно Дж.* Изгнание Торжествующего Зверя. Самара, 1997. С. 213.
15. Там же.
16. Герметический Свод //Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев; М., 1998. С. 34. «... Творец есть во всём, у Него нет отдельного местопребывания в какой-либо вещи; Он творит не ту или иную вещь, но все вещи...» (Там же. С. 57)
17. Там же. С. 217 – 218.
18. *Койре А.* От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М., 2001. С. 45.
19. Джордано Бруно перед судом инквизиции. (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно). С. 402. Бруно говорит: «Что земля – разумное животное – это ясно из её разумного и интеллектуального действия, которое видно в правильности её движения вокруг собственного центра и вокруг солнца, и вокруг оси своих полюсов, каковая правильность невозможна без интеллекта скорее внутреннего и собственного, чем внешнего и чуждого; ибо если собственный дух находится в муравьях, пчёлах и змеях, и в человеке, то он с гораздо бóльшим основанием должен находиться в материи, и не следует приписывать ей внешнего, толкающего и вращающего её воздействия» (Там же. С. 402 – 403).
20. Асклепий, или [Священная книга Гермеса Триждывеличайшего, обращённая к Асклепию] //Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев; М., 1998. С. 120.
21. *Коперник Н.* О вращениях небесных сфер //Он же. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Уппсальская запись. [М.,] 1964. С. 35. В «Герметическом Своде» Асклепий, обращаясь к царю Амону говорит: «Солнце установлено в середине мира, мир для него как корона, и подобно хорошему возникшему оно содержит в равновесии всю колесницу мира и само остаётся тесно с нею связанным из опасения, чтобы она не была унесена в беспорядочный бег» (Герметический Свод. С. 83).
22. См.: Асклепий, или [Священная книга Гермеса Триждывеличайшего, обращённая к Асклепию]. С. 115 – 117.
23. *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. С. 217. «Система Коперника стала для него символом нового откровения, символом возврата к естественной религии и магии египтян, на основе, которой, согласно удивительным планам Бруно, мог бы стать и католицизм» (Там же. С. 312).
24. Там же. С. 222. «Грандиозное расширение герметического гнозиса связано с неудовлетворённостью Бруно организованными формами религии» (Там же. С. 224).
25. Там же. С. 298.
26. Там же. С. 147.
27. Там же. С. 312.
28. Там же. С. 396. «У Галилея доктрина о движении Земли имеет совершенно иные основания, нежели у Бруно...» (Там же. С. 314)

29. Там же. С. 398.

30. Не стоит раскрывать их содержание: оно общеизвестно. Менее известно другое – то, что его однофамилец Р. Бэкон в своём «Большом сочинении» («*Opus maius*») писал: «... Существуют четыре главных препятствия для постижения истины, которые препятствуют всякому любителю мудрости и редко позволяют кому-либо обрести славное имя истинного мудреца. Эти [препятствия суть]: 1) пример ненадёжного и недостойного авторитета; 2) устойчивость обычая; 3) мнение необразованной толпы; 4) сокрытие собственного невежества под видимостью мудрости. И этим облечён и охвачен любой человек в любом положении» (*Бэкон Р.* Большое сочинение // *Он же.* Избранное. М., 2005. С. 43).

31. *Бэкон Ф.* Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы // *Он же.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1972. С. 20.

32. В специальном трактате он писал: «Чего же следует держаться в отношении заклинаний, заговоров и т.п., рассматривается следующим способом. Вне сомнения, всё таковое в настоящее время следует признать ложным и сомнительным...» (*Бэкон Р.* О тайных деяниях искусства и природы и о ничтожности магии. Послание брата Роджера Бэкона [Гийому Парижскому] // *Он же.* Избранное. М., 2005. С. 419.

33. *Бэкон Ф.* Великое Восстановление Наук // *Он же.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1971. С. 115.

34. Там же. С. 115 – 116.

35. Однако за то, что осмелился составить гороскоп Иисуса Христа, он был обвинён в ереси.

36. В частности, сохранились составленные им гороскопы для его дочерей Вирджинии и Ливии.

37. *Дмитриев И. С.* Увещание Галилея. СПб., 2006. С. 147. «Известно, ... что в придворных кругах Великого герцога Тосканского Галилея как астролога ценили» (Там же. С. 148).

38. Там же. С. 146.

39. См.: *Галлей Г.* Пробирных дел мастер. М., 1987. С. 221 – 228.

40. Позиция П. Редонди изложена в его монографии: *Redondi P.* Galileo eretico. Torino, 1983. См. реферат данной работы: *Редонди П.* Галилей-еретик // *Методологические принципы современных исследований развития науки (Галилей).* Реферативный сборник. М., 1989. Автор реферата М. В. Быков.

41. Книга Иисуса Навина. 10 : 12 – 13 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1994. Ветхий Завет С. 240.

42. *Галлей Г.* Пробирных дел мастер. С. 41.

43. Цит. по: *Клаарен Е. М.* Религиозные истоки современной науки // *История становления науки. (Некоторые проблемы).* Реферативный сборник. М., 1981. С. 279. Реферат М. К. Петрова. Эта Книга, согласно Бойлю, не только удовлетворяет «потребности человека и приносит ему наслажде-

ние, но также и учит его, даёт ему инструкции, поскольку каждая страница этого огромного тома природы полна реальной иероглифики, где... вещи стоят вместо слов, а их качества – вместо букв» (Цит. по: Там же. С. 282).

44. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 44 – 74. Киев, 2003. С. 226. «То познание, которое происходит через благодать, – разъясняет Фома, – в свою очередь также двояко: оно бывает либо умозрительным, когда божественные тайны сообщаются отдельному лицу, либо действительным, производящим любовь к Богу, и именно это познание в строгом смысле слова принадлежит дару мудрости» (Там же).

45. *Петров М. К.* Перед «Книгой природы» (духовные леса и предпосылки научной революции XVII в.) // *Он же*. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 340.

46. *Бэкон Ф.* Великое Восстановление Наук. С. 128.

47. Цит. по: Там же. С. 248.

48. Цит. по: Там же. С. 248 – 249.

49. Цит. по: Там же. С. 282.

50. *Койре А.* Ньютон и Декарт // *Он же*. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985. С. 259. Примеч. 67.

Түйін

Хамидов А.А. Білімнің ғылымнан тыс формаларының Жаңа дәуір ғылымы мен философиясының концептуалды қалыптасуына ықпалы

Мақалада Ренессанс дәуіріндегі білімнің ғылымнан тыс кейбір формаларының (негізінен, герметизмнің) Жаңа дәуір философиясы мен ғылымының қалыптасуына ықпалы қарастырылады. И. Ньютонның механикасы ескерілмейді (оған басқа мақала арналады).

Summary

Khamidov A.A. The Influence of Non-Scientific Forms of Knowledge on the Conceptual Forming of Philosophy and Science of New Time

It is given in the article the picture of influence of some actualized in Renaissance (mainly hermetic) forms of non-scientific knowledge on forming of philosophy and science of New Time except I. Newton's mechanics (it will be another article on this item).

